

Др. Н. ФАТЪЕВЪ.

ОТЪ АВТОРА.

М. М. СПЕРАНСКІЙ.

(1809—1909)

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

„Исторія Сперанскаго есть
для насъ тайна, публика ничего
не знаетъ“.

(Изъ переписки Карамзина).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Печатное Дѣло“ Клочковская, № 5.

1910.

I.

Сперанскій до сближенія съ Александромъ I.

М. М. СПЕРАНСКІЙ ¹⁾

1809 — 1909.

I.

Сперанскій до сближенія съ Александромъ I.

На рѣкѣ Тунгарѣ, впадающей въ Воршу, расположено теперъ старинное село Черкутино, Владимир. губ. Сто тридцать семь лѣтъ назадъ оно было незначительной деревушкой, а когда-то вотчиной рода бояръ Салтыко-

¹⁾ Изучая дѣятельность Сперанскаго и перечитывая матеріалы, касающіеся этого великаго человека, сначала не для біографической цѣли, авторъ ознакомился и съ капитальнымъ трудомъ барона (впоследствии графа) М. А. Корфа: „Жизнь графа Сперанскаго“. Даже небольшая часть громаднаго количества матеріаловъ о Сперанскомъ, которую сперва изучилъ составитель настоящаго очерка, не соответствовала впечатлѣнію, производимому характеристикой личности русскаго реформатора и освященіемъ значенія его дѣятельности М. А. Корфомъ. Очеркъ С. Ю. Южанова о Сперанскомъ (въ біографической бібліотекѣ Павленкова) намъ казался болѣе объективнымъ въ своихъ сужденіяхъ. После выхода этого очерка, въ которомъ, по цензурнымъ условіямъ, имѣются нѣкоторые пропуски, увидѣли свѣтъ не вошедшіе въ трудъ Корфа его матеріалы, опубликованные родственникомъ академика А. Θ. Бычкова. (А. Θ. Быковъ и К. Г. Рынскій, по просьбѣ Корфа, читали корректурные листы печатной книги и дѣлали исправленія. Съ А. Θ. Быковымъ Корфъ совѣтовался по поводу новыхъ фактовъ, документовъ, свѣдѣній о Сперанскомъ). Въ сообщеніи И. А. Бычкова (Нѣсколько данныхъ къ исторіи книги барона М. А. Корфа „Жизнь графа Сперанскаго“) находимъ интересныя объясненія. „Не знаю, какая участь ожидаетъ мою книгу и со стороны

выхъ, изъ котораго происходила царица Анна Ивановна¹⁾. 1 января 1772 г., въ семьѣ бѣднаго, черкутинскаго священника, родился четвертый сынъ, вполнѣдствіи, по фамилии, данной въ семинаріи, отъ латинскаго слова *spregans*²⁾, графъ М. М. Сперанскій.

Мало дошло до насъ свѣдѣній объ отроческихъ годахъ будущаго реформатора. То же, что дошло и

ея читателей (ишетъ Корфъ къ Бычкову А. О. въ срединѣ сентября 1861 г.) и со стороны критики, особенно при нынѣшнемъ ея направленіи и тонѣ; точно также недоумываю и о томъ, что ожидаетъ автора, сколько онъ ни старался оградить себя всевозможными гарантіями; но по крайней мѣрѣ въ собственныхъ (на книгѣ стояло: „напечатано съ высочайшаго соизволенія“) моихъ глазахъ, написавъ и издавъ эту книгу, я прожилъ на свѣтѣ не совсѣмъ безтолзно и, думаю, совершилъ вмѣстѣ и подвигъ гражданскаго мужества, ибо легко себя представить, какъ возопіютъ камарилла и длинный ея хвостъ. „Каменіемъ побіють“, какъ говаривалъ Сперанскій. А передовая партія все таки тоже будетъ недовольна за умолчанія и за выставку на показъ императора Николая... (Корфъ писалъ потомъ о книжкѣ Герцена, касавшейся его книги, изданной въ Лондонѣ: „14-го декабря 1825 г. и императоръ Николай“, какъ о клеветническомъ памфлетѣ).

Черезъ два года, ознакомившись съ отзывами о книгѣ, Корфъ сдѣлалъ серьезныя признанія тому же корреспонденту: вступать въ полемику съ невѣжествомъ или злонамѣренностью у меня не было никакой охоты, „но одинъ упрекъ, на которомъ эти передовые органы нашей періодической прессы съ особеннымъ злорадствомъ настаивали, именно о разныхъ умолчаніяхъ въ „Жизни графа Сперанскаго“, я охотно на себя принимаю, въ увѣренности, что никакой разсудительный человекъ не вклинитъ мнѣ ихъ въ вино. Дѣйствительно, могъ ли я, въ общественномъ моемъ положеніи и въ моей истинной, и не гонящейся за модными эффектами любви къ Россіи, проводить и воскрешать передъ ея глазами—именно въ настоящую минуту, когда вся наша атмосфера наполнена несбыточными конституционными мечтами-утопическіе планы, которыми тѣшились въ

¹⁾ Россія, т. I, стр. 294, изд. Девриена.

²⁾ Отъ слова *spregans*—надѣяться. См. «Русское Обозрѣніе» 1830 г. № 8. Записки Рунича.

собрано биографомъ Сперанскаго Корфомъ¹⁾, даетъ основаніе полагать, что мальчикъ рѣзко выдѣлялся изъ сверстниковъ и братьевъ, какъ неизмѣримо выдѣлился изъ нихъ и вполнѣдствіи.

Одинъ изъ знакомыхъ Сперанскаго, сравнивая его съ братомъ Козьмой, говорилъ: «изъ одного дерева и икона и лопата».

этомъ крутъ идей, полетка тому назадъ, Александръ и Сперанскій? Могъ ли я, не нарушивъ всякаго уваженія къ чувствамъ, къ приличію и къ самому простому такту, въ книгѣ, вышедшей подъ зидомъ родного племянника и пріемника на престолъ, незатаенно обличать характеръ и дѣйствія дяди и предшественника въ томъ печальномъ свѣтѣ, какой бросали на нихъ, для меня, мои изысканія. Могъ ли высказывать что-нибудь болѣе того, что напечатано въ книгѣ о причинахъ и подробностяхъ катастрофы Сперанскаго, когда все прочее точно также, хотя, въ прибавку, еще гораздо менѣе достоверно, набрасываетъ самую мрачную тѣнь на память Александра, или же представляется, очевидно, однимъ сплетеніемъ досужихъ выдумокъ, коммеражей, прикрасъ и явной лжи, приподной, можетъ быть, для историческаго романа, но уже не отнюдь не для правдивой, строгой исторіи?» (Русская старина. Январь 1902 г. 145—146, 172—173).

Нѣкоторыя изъ умолчаній М. А. Корфа нашлись затѣмъ въ его бумагахъ, хотя и безъ нихъ нельзя не быть ему благодарнымъ за трудъ, на который онъ потратилъ болѣе 15 лѣтъ.

Надобно много лѣтъ, чтобы ознакомиться съ громаднымъ матеріаломъ, касающимся жизни и дѣятельности Сперанскаго, въкъ тому назадъ сочинившаго планъ русской конституціи, одобренный императоромъ.

Ознакомленіе съ главными и вновь опубликованными данными изъ эпохи Сперанскаго можетъ поднять лишь край таинственнаго прошлаго надъ великой фигурой русскаго реформатора. Возсоздать контуры этой фигуры простыми и краткими чертами, составляетъ задачу этого юбилейнаго очерка, представляющаго общедоступное публичное чтеніе, по просьбѣ одного изъ мѣстныхъ просвѣтительныхъ обществъ.

¹⁾ Жизнь графа Сперанскаго, Барона Корфа. Спб. 1861 г.

Мальчикъ былъ слабъ, болѣзненъ, тихъ. Рано да-
лась ему грамота. Она замѣнила ему участіе въ заба-
вахъ сверстниковъ, которыя не привлекали его. Чаше
всего, забившись въ уголь, онъ читалъ случайно попа-
давшіяся книги. На 8-омъ году отдали его въ уче-
ніе. Усидчивость и огромная пытливость ребенка уди-
вляли товарищей, какъ удивляли ихъ и другія особен-
ности его личности. Такъ, напр., онъ никогда не
участвовалъ въ дѣлѣжкахъ добычи послѣ поздравле-
ній семинаристами богатыхъ владимірскихъ гражданъ,
по большимъ праздникамъ. Останавливало вниманіе
товарищей и то, что Сперанскій весь загорался при
интересномъ разговорѣ и, увлекаясь, увлекалъ дру-
гихъ, когда принималъ въ немъ участіе, яркостью и
красотой своей рѣчи. Особенно привлекательны были
ясность и доброта души мальчика. Онъ охотно по-
могалъ своимъ знаніемъ товарищамъ, услужливо бѣ-
галъ въ мелочную лавочку для дальней своей род-
ственницы, у которой жилъ на квартирѣ. Про нее не
разъ онъ вспоминалъ, будучи на верху почестей, го-
воря: «не та только мать, которая родила меня, но и
та, которая воспитала». Онъ учился хорошо лишь у
тѣхъ учителей и по тѣмъ предметамъ, которые не
требовали зубренья. Особенно любилъ онъ математику
и философію.¹⁾

По окончаніи курса Владимирской семинаріи, его
послали въ Александроневскую, замѣнявшую тогда

1) Любовь къ этимъ наукамъ сохранилась и позднѣе. См.
отрывки изъ мыслей въ сборникѣ: «Въ память Сперанскаго». Изд.
Императорской публичной библіотеки. «Положительная
истины только въ математикѣ», говорилъ онъ. Впослѣдствіи и
въ политическихъ построеніяхъ онъ являлся скорѣе реалистомъ,
относясь съ недовѣріемъ къ «метафизическому понятію о спра-
ведливости судной».

академію. Здѣсь пришлось пережить рядъ тяжелыхъ
испытаній. Обстановка ученія и жизни была непри-
глядная. Учителя поклонялись Бахусу, семинаристы
предавались кутежамъ и картежной игрѣ. И столь ужъ
сильно вліяніе среды, что, одно время, увлекся было
картами и Сперанскій.

Проповѣдническій талантъ¹⁾ скоро выдвинулъ
Сперанскаго изъ толпы товарищей. Скромность его
жизни, выдающіяся знанія, не могли не обратитъ
вниманія духовнаго начальства, которое усиленно скло-
няло его къ монашеству. Даровитаго юношу назначили
сначала профессоромъ математики, физики, краснорѣчія, а
потомъ префектомъ Александроневской семинаріи, курсъ
которой онъ только что кончилъ. Иерархи мечтали уви-
дѣть въ немъ великаго пастыря русской церкви.

Но не церкви, воспитавшей Сперанскаго, приш-
лось пожать плоды его талантовъ и ума, а государству
и то лишь отчасти.

Не безъ долгихъ колебаній онъ рѣшился на уходъ
изъ духовной среды, когда екатерининскій вельможа
кн. Куракинъ предложилъ ему, сначала, мѣсто секре-
таря, а, затѣмъ, правителя дѣлъ своей канцеляріи.

Другъ Сперанскаго Словцовъ,—въ шутовомъ
посланіи, совѣтовалъ ему:

Полно, другъ, съ фортуною считаться
И казать ей философскій взоръ.
Время съ разсужденіемъ разтаться,
Если счастье катитъ во дворъ.

.....
Правильно ты вѣсилъ свѣта муку,
Тяжесть золотыхъ его цѣпей,

1) Нѣкоторыя изъ его проповѣдей чрезвычайно интересны
своими свѣтскими и даже политическими сюжетами.